

ЕЛЕНА ГОВОР

РУССКИЕ В КВИНСЛЕНДЕ: У ИСТОКОВ

ОБ АВТОРЕ

Историк и писательница Елена Говор была среди зачинателей альманаха «Австралийская мозаика» и все девятнадцать лет его существования была не только постоянным автором журнала, но и вдохновителем и советчиком главного редактора. Елена Говор — доктор философии, научный сотрудник Австралийского национального университета, специалист по истории русско-австралийских связей.

Историю дореволюционной русской эмиграции в Австралии обычно связывают с Квинслендом и ведут от большевика Артема (Федора Сергеева), организовавшего там Союз русских эмигрантов на рубеже 1911–1912 гг. Однако, как мы уже видели в предыдущих очерках, первым центром русской дореволюционной эмиграции был Сидней, куда устремились первые эмигранты еще в 1906–1908 гг., которые и создали там первую русскую организацию в 1909 г.¹ Однако вскоре Квинсленд, действительно, стал центром массовой русской иммиграции, но произошло это несколько позже, в 1910–1911 гг., как раз когда туда прибыл Артем в июне 1911 года. Феномен Квинсленда с внезапным массовым наплывом эмигрантов, имеющих разнородное социально-политическое происхождение, возник не случайно. В основе его — истории нескольких людей, ставших своего рода центрами кристаллизации, под влиянием которых и стала создаваться квинслендская община русских эмигрантов. Началась эта история за два года до прибытия Артема. Именно этим двум первым годам, 1909–1911, мы и посвятим начало нашего исследования.

Одна из главных особенностей российской общины Квинсленда состояла в том, что состояла она почти исключительно из иммигрантов, прибывших туда с Дальнего Востока, из Манчжурии и Сибири. На Дальнем Востоке большинство участников этой эмиграции также были новоприезжими, то есть для них эмиграция в Австралию была уже вторым переселением.

Дальний Восток привлекал русских переселенцев в начале XX века по многим причинам. Главным источником массовой миграции туда была переселенческая политика Столыпина, когда крестьянам из малоземельных районов России и Украины давались подъемные, предоставлялся транспорт и льготы при поселении на новом месте. Особенно это движение усилилось после завершения строительства Транс-Сибирской железной дороги в 1905 году. Но и сама эта дорога привлекла огромное количество работников — рабочих-строителей, инженеров, служащих. Оставались на

¹ Говор Е. Страницы русской Австралии. Русский Сидней — у истоков // Австралийская мозаика, 2018, № 41, с. 31–45, № 43, с. 28–39; 2019, № 46, с. 41–53.

Дальнем Востоке и участники Русско-японской войны, и ссыльные — отбывшие свой срок или бежавшие из мест лишения свободы и жившие на нелегальном положении. Мигрировали на Дальний Восток, и особенно в Харбин, и евреи после ужаса еврейских погромов, прокатившихся по местам их расселения в черте оседлости в западных районах Российской Империи. Для кого-то Дальний Восток становился золотым дном, американским Дальним Западом, но для многих он не оправдывал ожиданий лучшей жизни.

И здесь вступила в свою роль характерная для русского менталитета мечта о Беловодье, о стране с молочными реками в кисельных берегах, где земли всем вдоволь и царит свобода и справедливость. Эта извечная русская легенда подверглась некоторой модернизации — во время первой русской революции 1905–1907 годов в России начали печататься многочисленные исследования об Австралии — счастливой стране за океаном, где у власти рабочее правительство, 8-часовой рабочий день, большие заработки, свободной земли предостаточно, а еще свобода и вечное лето. Самих книг большинство наших героев не читало, но факты и представления, изложенные в них, стали распространяться среди дальневосточных и сибирских мигрантов, как лесной пожар. Усиливали этот интерес и иммиграционные агентства, связанные с пароходными компаниями, представляя условия в местах переселения в радужном свете.

Однако непосредственным катализатором, вызвавшим массовое переселение с Дальнего Востока и Сибири в Австралию, стали письма и личные цепочки контактов первых эмигрантов. Как уже упоминалось в очерке о русских в Сиднее, путь в Австралию проторили политические эмигранты вскоре после Русско-японской войны и первой русской революции. Одним из главных центров, откуда начиналось их движение и куда стекалась информация о возможных местах для эмиграции в Тихоокеанском регионе был город Нагасаки в Японии. С ним была связана деятельность доктора-социалиста Николая Судзиловского-Русселя (1850–1930), находившегося там после Русско-японской войны. Там же действовал Борис Оржих, возглавлявший социалистическую типографию «Воля», и туда же в 1908 году переселилась семья Кларков, сыгравшая большую роль в истории русской общины в Австралии. После переезда доктора Русселя в Манилу на Филиппинах, там образовался новый центр политэмиграции, где шел сбор информации об условиях поселения в Тихоокеанских странах. На первых порах в качестве возможного места переселения рассматривалась Новая Зеландия, славившаяся своими социальными реформами, и туда отправилось несколько социалистов. Одновременно, как мы уже видели, в 1906–1909 годах шло формирование русской колонии и в Сиднее.

ЖУРНАЛИСТЫ-ЧЕРНОРАБОЧИЕ

В апреле 1909 года в Австралию отправились и двое политэмигрантов — Антон Григорьевич Пашинский и Николай Дорф. Им предстояло влиться в Сиднейскую русскую общину, где как раз в это время произошло создание русского общества, но случай внес поправки в начало и конец их путешествия. Контакты у Пашинского были не только в Нагасаки, откуда он выезжал, но и в Харбине, благодаря его прежней работе на железной дороге. Он подражался писать корреспонденции для еженедельника «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке». Этот журнал выходил в Харбине и, хотя он находился под юрисдикцией царской цензуры, его редакция сочувственно относилась к либеральным идеям и публиковала едва прикрытые эзоповым языком сведения о судьбах политэмигрантов. Именно в нем Пашинский опубликовал свои первые очерки об эмиграции в Австралию, а поскольку журнал, вследствие своей основной тематики, распространялся по

железным дорогам всего региона, они быстро стали известны среди читающей публики на Дальнем Востоке и в Сибири. Так впервые история эмиграции в Австралию вышла за пределы узкого кружка политэмигрантов в Нагасаки-Маниле и пошла в «массы».

Второй аспект был связан с конечной точкой их путешествия. Когда их корабль «Кумано Мару» зашел на остров Четверга у северного побережья Австралии, на борт его сел министр внутренних дел Квинсленда Джошуа Томас Белл, совершавший инспекционную поездку. По настоянию спутников Пашинский и Дорф решились обратиться к нему: «В глазах русского человека „министр“ представляется чем-то недостижимым — и мы, стыдно даже сознаться, запуганные с детства, со школьной скамьи, не решились „побеспокоить“ мистера Белла. Но спутники-англичане так настойчиво убеждали нас представиться их министру, что мы в конце концов решились!», — писал Пашинский.² Министра

---

² [Пашинский А. Г.] Из Австралии // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1909, № 22, с. 881. — Подпись: Ego.

заинтересовали русские эмигранты, он предложил им свое покровительство и уговорил вместо Сиднея испытать условия для иммиграции в молодом штате Квинсленд. Они последовали его совету, подробно описывая свои первые впечатления в корреспонденциях в «Железнодорожную жизнь».

Кем же были эти два первопроходца, увлекшие за собой в Квинсленд тысячи своих соотечественников, выяснить оказалось непросто. Впервые я узнала о них из письма Анри Тардана в «Дейли Стэндард» в 1913 году. «Года четыре назад, — писал он, — двое хорошо образованных русских, господ Пашинский и Дорф, спасаясь от преследований русской бюрократии, бежали из Сибири и отправились в Австралию на японском корабле... Познакомившись с местными условиями, эти двое джентльменов, которые являются хорошими наблюдателями и хорошими писателями, начали писать не только своим друзьям, но также посылали обширные и интересные корреспонденции, восхваляющие Квинсленд, в различные русские журналы и газеты».³ «Обширные корреспонденции, — подумала я, обнаружив это интервью лет 25 назад, — но где же искать эти корреспонденции?». Ведь доступные мне сведения о них были очень скудными, особенно о Пашинском. В Национальном архиве Австралии есть единственный документ, связанный с ним — небольшое досье о натурализации, из которого явствует, что он был человеком в годах, родившимся в 1866 году в Киеве, работал поваром, имел жену и пятеро детей.⁴ Этот образ не очень-то тянул на романтический образ беглого журналиста-пропагандиста! Николай Дорф, согласно досье о натурализации, был тоже немолод. Он родился в 1872 году в Томске и работал водителем трамвая в Брисбене. А главное — никаких публикаций ни в австралийской, ни в русской печати Пашинского и Дорфа найти не удавалось. Но тут неожиданно помог случай.

... Одно из моих самых любимых мест в Петербурге — это газетный зал Публички — Российской национальной

Сверху вниз:

Уже по обложке видно, что «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке» — это не узкотехнический журнал

«Кумано Мару» у причала на острове Четверга

Джошуа Томас Белл (Библиотека штата Квинсленд)

³ [Tardent H. A.], Russian immigrants. A desirable acquisition. Law abiding citizens // Daily Standard, Brisbane, 23 June 1913, с. 2.

⁴ Anthony Arnold Pashinsky — Naturalization. — National Archives of Australia (NAA), A1, 1913/9565.

Белых пятен нет на карте. // Как никак двадцатый век! // Вы не делали открытий // В тишине библиотек? (Газетный зал Публички)

библиотеки. Расположенный в старинном особняке на берегу Фонтанки, он уже своими длинными полутемными коридорами с высоченными потолками создает атмосферу путешествия во времени. Из окна читального зала виден петербургский двор-сад — это двор того самого Фонтанного Дома, где некогда жила Анна Ахматова, где слагался ее бессмертный «Реквием». Но самое главное — это, конечно, газеты. Толстые подшивки дореволюционных газет в переплетах из мраморной бумаги с кожаными корешками — нет ничего чудеснее, как перелистывать их пожелтевшие страницы, погружаясь в повседневную жизнь той, ушедшей навсегда России...

Там я и начала просматривать дальневосточные газеты 1909–1914 годов, выискивая письма русских эмигрантов из Австралии. Среди моих находок было несколько блестящих эссе за подписью 'Его', опубликованных в 1909–1913 гг. Одно было об австралийских девушках, другое — об австралийском кузнеце, третье — об австралийской демократии. Писал их человек с бойким пером и с зорким глазом, но мне никак не удалось связать его ни с одним из известных мне русских политэмигрантов-публицистов, попавших в Австралию в это время. В одной из публикаций Его была отсылка к «Железнодорожной жизни», где я и нашла на целый цикл корреспонденций Его о переезде в Австралию и первых месяцах австралийской эмиграции. По этим корреспонденциям удалось вычислить, когда именно и на каком корабле Его прибыл в Австралию — это был корабль «Кумано Мару», прибывший в Брисбен 2 мая 1909 года. Среди пассажиров этого корабля было всего

двое русских — Н. Дорф и П. Топольский, оба значились корреспондентами. Но если Дорф — это тот журналист, о котором говорил Тардан, то его спутник это и есть Пашинский, а значит Топольский-Пашинский это и есть таинственный Его?! Внимательное прочтение его писем и очерков подтвердило эту догадку. Так, места работы, упомянутые в корреспонденциях Его, соответствовали местам работы Пашинского, указанным в его натурализации. Оставил он и едва прикрытое упоминание о себе в одном из очерков. Рассказывая о письме поддержки, посланном турецким студентам от лица русской общины в Австралии, он упомянул, что подписал его «от имени группы политических эмигрантов бывший начальник станции Верхнеудинск Забайкальской железной дороги Антон Григорьевич Палинский» — так, в замаскированной форме, он как будто посылая привет своим знакомым, оставшимся в России.⁵

Не случайно Его интересовался работой железных дорог в Австралии — ведь в России он сам был начальником железнодорожной станции, но эта работа закончилась у него самым драматическим образом. Первый намек на это был уже в деле о его натурализации. Полицейский, собиравший о нем данные, сообщал, что Пашинский не может предъявить «русский паспорт, позволяющий ему путешествовать за границей, так как он бежал из тюрьмы

⁵ [Пашинский А. Г.] Письма из Австралии (от нашего корреспондента) // Новая жизнь, 1.08.1910, с. 3. — Подпись: Его.

Павел Карлович Ренненкампф

в России, куда он был помещен вследствие того, что председательствовал на митинге, на котором было выражено недоверие правительству». «Похоже, однако, что он не склонен к анархизму», — доброжелательно заключал полицейский.⁶ Ко времени драматических событий конца 1905 — начала 1906 гг. Пашинский служил начальником железнодорожной станции Верхнеудинск в Забайкалье и был членом социал-демократической организации. Их организация приняла участие во Всероссийской политической стачке, и Пашинский был выбран председателем стачечного комитета. Реакция властей была жесточайшей — генерал П. К. Ренненкампф, снаряженный в карательную экспедицию вдоль железной дороги, видел свою миссию как решительное искоренение революционной угрозы и судил военным судом всех участников протестов.

Пашинский, в частности, обвинялся в «принадлежности к революционной партии; в председательствовании в революционном комитете, преследующем противоправительственные цели, стремящемся захватить в свои руки железную дорогу; подстрекательстве других примкнуть к революционной партии и в агитировании о ниспровержении существующего государственного строя

⁶ Anthony Arnold Pashinsky — Naturalization.

Николай Дорфф

и о замене его республиканским образом правления». 10 февраля 1906 г. Пашинский и восемь его сослуживцев были приговорены к смертной казни. За три часа до казни Пашинский был «помилован» — казнь была заменена 8-летней каторгой. Сохранилось свидетельство современника, как «помилованный» Пашинский метался по камере, то всхлипывая, то чертыхаясь.⁷ В тюрьме Пашинский встретил и Виктора Курнатовского, тоже приговоренного к смертной казни. В конечном итоге им обоим удалось бежать — и встретились они уже в Нагасаки, откуда друг за другом отправились в Австралию.⁸

О русской жизни Николая Дорффа, спутника Пашинского, почти ничего неизвестно. Судя по письмам Пашинского, встреча их на корабле, отплывающем в Австралию, была случайной: «К моему большому удовольствию у меня оказался попутчик до Австралии — один богатый русский промышленник».⁹ Далее он упоминает о нем, как

⁷ Карательные экспедиции в Сибири в 1905–1906 гг.: Документы и материалы. — М.-Л., 1932. р 31, 265, 267. Okuntsov I. Martyrs of the Revolution // Oamaru Mail, 6.07.1907, р. 3.

⁸ [Пашинский А. Г.] К смерти В. К. Курнатовского // Новая жизнь, 23.01.1913, с. 3. — Подпись: Ego.

⁹ [Пашинский А. Г.] В Австралию // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1909, № 13, с. 577. — Подпись: Ego.

о своем «компаньоне» — состоятельном человеке, который в Австралии «хотел присмотреться к делу, чтобы, ликвидировав дела в России, где у него есть небольшое поместье, заняться скотоводством или овцеводством».¹⁰ Дорф действительно несколько позже взял участок земли, но плантатора из него не вышло. Тот факт, что Пашинский всячески избегал упоминать имя Дорфа, и то, что тот оказался в Австралии без средств к существованию, несмотря на свою «состоятельность», позволяет предположить, что он каким-то образом был вовлечен в политическую борьбу, и, как и Пашинский, вынужден был покинуть Россию из-за политических преследований.

Встреча на корабле с министром внутренних дел оказалась решающей для судеб Пашинского и Дорфа. Они сошли с корабля в Брисбене и, получив рекомендательное письмо министра Белла, отправились в поместье мистера Уилсона в Буна осваивать профессию сельскохозяйственного рабочего. К их разочарованию, мистер Уилсон, увидев их белые руки интеллигентов, отказался их принять на работу в каком бы то ни было качестве. Вернувшись в Брисбен, они снова обратились к министру и получили новую рекомендацию — на этот раз в качестве чернорабочих в Ботанический сад. Здесь они продержались только неделю и были уволены за свою непригодность к интенсивному физическому труду. В третий раз они беспокоить министра не решились и пошли по пути обычных иммигрантов без профессии — получили из бюро труда направление на строительство железной дороги в 75 милях от Брисбена. Дорф, «нашедши климат жарким, а работу тяжелой», уехал через месяц; Пашинский копал канаву и дробил щебень еще четыре месяца. В октябре 1909 года он уехал в Брисбен и нашел работу чернорабочего на ферме под Брисбеном. «Работаю от 6 ч. утра до 6 ч. вечера и более. Начинаю день доением коров, ... и заканчиваю тем же, а днем копаю огороды, делаю ограды, произвожу легкий ремонт построек, ухаживаю за лошадьми, заготавливаю дрова и проч.», — писал он.¹¹ Новый, 1910 год, он встречал на ферме.

Но для русской Австралии 1909 год ознаменовался еще рядом событий. И тут прежде всего мы должны рассказать об одном необычном человеке, сыгравшем важную роль в судьбе русских иммигрантов в Квинсленде.

¹⁰ [Пашинский А. Г.] Из Австралии // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1909, № 28, с. 1044. — Подпись: Его.

¹¹ [Пашинский А. Г.] Из Австралии // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1910, № 4, с. 13–14. — Подпись: Его.

РУССКИЙ ШВЕЙЦАРЕЦ АНРИ ТАРДАН

Появляется он в нашей истории благодаря все тем же Пашинскому и Дорфу. Министр, видя, как трудно нашим новоиспеченным иммигрантам объясняться по-английски, — «Мистер Белль ... долго толковал с нами, а когда мы не понимали его, то писал, а мы разбирались со словарем»¹² — решил на вторую встречу с ними пригласить своего знакомого, владевшего русским языком. «Едва мы вошли в приемную, — описывал их первую встречу Пашинский, — как навстречу нам поднялся с дивана небольшого роста, сухой, но хорошо сложенный, с круглым сильно загорелым лицом, сплошь заросшим черной окладистой бородою, человек — и, подавая руку, произнес с веселым, смеющимся видом: „Здравствуйте господа, а я уже давно ожидаю вас! Хотя, правда, вы не были бы русскими, если бы не опоздали!“»¹³

Это был Анри Алексис Тардан (1853–1929) — учитель, журналист, садовод и общественный деятель. Он родился во французской семье в Ле Сепей в Швейцарии и с юных лет путешествовал и учился в Галиции, Бессарабии и Украине, изучая немецкий, польский, русский и латынь, и зарабатывая на жизнь репетиторством. Его земляки и родственники с давних лет начали селиться в окрестностях Одессы, организовав там швейцарскую колонию Шабо и занимаясь виноградарством. Анри окончил Одесский университет, женился на Ортензии Тардан, внучке основателя колонии, и поселился с семьей в Николаеве, где он служил преподавателем в военной школе. «Выслужил даже пенсион — 600 руб. в год, — рассказывал он Пашинскому. — Не имея возможности существовать с семьей, я имею несколько человек детей, на 50 руб. в месяц, я принужден был искать после отставки какую-нибудь работу, хотя я сильно скучал за родиной, но так как там теперь тесновато, то я избрал местом жительства Австралию. Сначала было трудно и жутко среди черствых англичан, были у нас тяжелые дни сомнения и даже неприятности, но теперь, благодаря личному, совместному с женой, труду, он показал нам при этом свои покрытые мозолями руки, мы имеем добрую заимку возле Брисбэна». В Квинсленд Тарданы переехали в 1887 году, привлеченные благоприятными отзывами о молодой колонии. Здесь они, используя свои сельскохозяйственные познания и опыт, основали ферму и кооперативную винодельню в Рома.

¹² [Пашинский А. Г.] Из Австралии // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1909, № 22, с. 881. — Подпись: Его.

¹³ [Пашинский А. Г.] Из Австралии // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1910, № 1, с. 11 — Подпись: Его.

Анри Тардан (Библиотека штата Квинсленд)

Чай из котелка «билли» — жизнь в сельском Квинсленде сделала Анри Тардана настоящим австралийцем, 1897 (Библиотека штата Квинсленд)

Позже Анри управлял даже государственной экспериментальной фермой и пропагандировал передовые методы сельского хозяйства в качестве редактора сельхозотдела в пролейбористской газете «Дэйли стэндард» (1913–1929). Он также редактировал несколько местных газет, участвовал в деятельности различных культурных обществ и широко публиковался в австралийской печати. Наряду с поддержкой австралийско-французских и австралийско-швейцарских связей, Анри скоро станет горячим сторонником и русских иммигрантов, и, в частности, сыграет важную роль в создании первой русской колонии в Валлумбилле в 1910 году, с историей которой мы скоро познакомимся.

Пока же Анри, стосковавшись по России, отвел наших путешественников в отель, где познакомил их со своей женой, родившейся и выросшей в России, «весьма симпатичной воспитанной женщиной. Она не менее своего мужа интересовалась Россией и пользовалась всяким удобным случаем, чтобы похвалить открытую прямую душу русского человека и „его мягкую идеалистическую натуру“, — писал Пашинский. — Несмотря на то, что мы были совершенно чужие этой супружеской чете, они оба так тепло отнеслись к нам, благодаря хорошим воспоминаниям о русских людях, как будто мы были наилучшими их знакомыми. За оживленной беседой совершенно незаметно прошло несколько часов. Возбуждалось очень много интересных вопросов, но, к сожалению, могу коснуться только некоторых, ... потому, что наши условия печати еще не таковы, чтобы можно было говорить и писать обо всем том в России, о чем говорится в Австралии везде открыто». Тем не менее одно высказывание Тардана, прекрасно рисующее его позицию, Пашинский процитировал: «Я всюю душою люблю Россию, сердечно люблю русского человека, но ваше правительство!.. Оно ведет чудную, богатую, сильную страну к обнищанию, к разложению. Будучи еще учителем в России, я всегда глубоко возмущался тем бессмысленным режимом, который вводили в стены учебных заведений. Я воспитанник свободной швейцарской школы, ... всегда ужасался при мысли, что выйдет из бедного учащегося элемента при той системе забивания, запугивания, унижения личности, какой и в мою бытность учителем придерживалось Ваше министерство народного просвещения».

Мы еще не раз будем встречаться с деятельностью этого русского швейцарца, болевшего душой за «милую страну», ставшей его второй родиной.¹⁴

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И РЕМЕСЛЕННИКИ — ПЕРВЫЕ ГРУППЫ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Встреча наших героев с Тарданами состоялась в мае 1909 года, когда русских эмигрантов в Квинсленде еще не было, по крайней мере, Тарданами несколько лет

¹⁴ Там же, с. 11–14.

не доводилось видеть русских людей. Но как раз в это время начиналось массовое эмиграционное движение с Дальнего Востока России.

Следующий русский десант, прибывший 23 августа на корабле «Явата Мару» из Нагасаки в Брисбен, состоял из трех человек, которым также предстоит сыграть важную роль в жизни русского Квинсленда. Это были Борис и Владимир Грей и Михаил со странной фамилией Штеттинкенс. Борис и Владимир, въехавшие под английской фамилией, как ни удивительно, действительно имели английские корни и не менее английскую подлинную фамилию — Кларк. Их отец Павел Иванович Кларк (1864–1940), предки которого эмигрировали на Урал из Англии, был одним из патриархов русского революционного движения. Окончив Уфимскую гимназию и Казанский университет, в 1882 г. он стал народовольцем, на протяжении последующих лет был трижды арестован и сослан в Забайкалье. Это не помешало ему между арестами и ссылками жениться на русской девушке Марии Федоровне Чаадаевой (р. 1864) и завести большую семью с пятью детьми. Ко времени революции 1905 года он служил ревизором материальной службы на железной дороге в Чите и состоял в партии эсеров.

За участие в Читинском вооруженном восстании (1905–06 гг.) он был арестован вместе со своим 17-летним сыном Борисом (1889–1918) и приговорен к смертной казни, замененной 15-летней каторгой в Акатуе.¹⁵ Это была та самая Читинская республика, которую возглавил герой наших сиднейских очерков Виктор Курнатовский, так же приговоренный к смертной казни. Как и Курнатовскому, Павлу и Борису Кларкам удалось бежать с каторги и добраться до Нагасаки. К 1908 году там собралась вся большая семья Кларков.

Добрый духом дома Кларков в Нагасаки была гостеприимная Мария Федоровна. С родителями жили старший сын Иван Павлович Кларк (р. 1886) и старшая дочь Надежда Павловна Виноградова (р. 1887) с четырьмя дочерьми, родившимися между 1905 и 1908 годами. В конце 1908 года к ним присоединился Борис, успевший после побега с Акатуйской каторги жениться, еще раз попасть в руки полиции и снова бежать из тюремного вагона. Кроме того, с Кларками жил Владимир Кларк (р. 1894) — вероятно, племянник Павла Ивановича, и двое их младших детей — Павел (р. 1898) и Наталья (р. 1899). Все они сочувствовали революционному движению, но пути на родину для них были закрыты. Одно время Павел Иванович думал перебраться на Гавайские острова и основать там русскую колонию (за несколько лет до этого там уже пытал счастья другой знаменитый нагасакский диссидент

Павел Иванович Кларк — народоволец-эсер, ок. 1905 г.

Судзиловский-Руссель), но, в конечном итоге, было решено попробовать устроиться в Австралии, куда уже выехало несколько их соратников.

Первыми на разведку отправились Борис и Владимир. В то время на японских пароходах был так называемый 3-й азиатский класс, в который билетов европейцам не продавали, «мотивируя это тем, — писал политэмигрант Яков Грант, — что европеец не в состоянии совершить столь долгое (26 дней) морское путешествие на японской пище. В июле месяце трое русских политических эмигрантов, долго проживших в Нагасаки, добились разрешения на покупку билетов 3-го азиатского класса, цена которого до Брисбена 102 руб. (цена же 3-го улучшенного 150 руб.)».¹⁶ Это и были Кларки и Штеттинкенс у которых, вероятно, с финансами было так туго, что они могли доехать только до Брисбена, да и то по самому дешевому тарифу. Но зато в выборе имени при въезде в Австралию была полная свобода — так братья Кларки, ступив на австралийский континент, тут же стали Грейями.

¹⁵ О расправе над арестованными, возглавляемой генералом Ренненкампом, рассказал в своих воспоминаниях Иван Кларк, сын Павла Ивановича: [Gray, John], Our Allay // International Socialist, Sydney, 5.12.1914, p. 3.

¹⁶ [Грант Я.] В Австралию // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1910, № 8, с. 10. — Подпись: Автоном Катрусь.

Их спутник, Михаил Штеттинкенс выбрал фамилию не случайно — это была память о маленькой белорусской деревне Щетинка под Оршей, где он родился в 1888 году; его изначальной фамилией была Задоровский. Сын сельского священника, он вместе с братом-близнецом Власом обучался в Могилевской духовной семинарии, и когда Власа выслали из Могилева за агитацию среди крестьян, Михаил вместе с ним отправился в Казань, и в 1906 г. они вместе поступили на историко-философский факультет Казанского университета. Год спустя оба были отчислены за революционную деятельность; Влас попал в ссылку в Вологодскую губернию, а Михаил, по его словам, год находился в тюрьме под следствием, был в ссылке в Сибири, оттуда бежал в Харбин, а затем в Нагасаки. Здесь он застрял, оказавшись на грани голодной смерти, и именно Павел Иванович Кларк дал ему кров и стол. Михаил писал о тех днях: «Я был ему в то время чужим, и он подружился со мной только потому, что я был бывшим студентом Казанского университета, где он также получил образование».¹⁷ Из Нагасаки Задоровский вместе с младшими Кларками и отправился в Австралию. Не удивительно, что, как и они, он выбрал себе новую фамилию. В 1914 году, когда у него возникли проблемы с регистрацией земельного участка на это вымышленное имя, ему пришлось написать объяснение для властей о том, что своим выездом в Австралию он не хотел испортить карьеру брата и поэтому использовал вымышленное имя. Тем не менее свою подлинную фамилию — Задоровский — он так и не раскрыл, а стал носителем новой уникальной фамилии Задороский (Zadorosky).¹⁸ Мы с ним еще не раз встретимся в нашей истории.

Две недели спустя на «Олденеме» (Aldenham) в Брисбен приехала и юная жена Бориса Анна Андреевна Попова (р. 1889) с новорожденной дочерью Марией. Забегая вперед, скажем, что именно Анне предстоит стать повествователем о жизни Кларков-Греев в Австралии в советской литературе. И, наконец, еще десять дней спустя, на «Никко Мару» в Брисбен прибыл старший брат Кларков, Иван, также ставший Греем. Остальная часть семейства — 9 человек! — должна была присоединиться к ним через несколько месяцев, пока же молодые Греи отправились на север штата, в городок Бигенден, где они вскоре нашли работу на сахарной плантации.

¹⁷ Zadorosky M. Queenslanders in Siberia // Daily Mail, Brisbane, 23.02.1923, с. 8.

¹⁸ Казанский университет 1804–2004: Биобиблиографический словарь. Т. 2. — Казань, 2004. — С. 447. Kidcaff A. F. Journey to Hardship: A Russian in Prickly Pear Country. [Bethania, Qld.], 2011, с. 139–141.

На «Олденеме», на который Анна села в Японии, уже была группа русских, ехавших в Австралию из Шанхая. Об их истории сообщал журнал «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке». Как оказалось, письма Его, написанные по пути в Австралию, «обратили общее внимание, и редакция получила несколько писем с просьбой дать разъяснения. С одной из станций К. В. ж. д. приезжали специально, чтобы расспросить». «Увлечение Австралией усиливается и недавно из Харбина уехали две небольших партии, — продолжал журнал. — Нам пришлось побеседовать перед отъездом с представителями той и другой партии и слышанным нами мы поделимся с читателями чтобы предостеречь увлекающихся, намеревающихся ехать на „авось“. Вскоре после появления первой корреспонденции, к нам явился бывший служащий К[итайско]-В[осточной] ж[елезной] д[ороги] Б. и принес великолепное издание с массой художественно исполненных рисунков „Австралия в настоящее время“ (Australia To-Day / For the Immigrant and Tourist). Этот же служащий и сообщил нам, что собирается в Австралию партия около 70 человек. Но спустя некоторое время Б. пришел попрощаться и заявил, что они в компании еще 3-х лиц решили не ожидать партии, а ехать немедленно, забрав и семьи, что в Нагасаках к ним присоединяется компаньон, уже бывший в Австралии, знающий хорошо английский язык. Б. и его компаньоны имеют небольшие деньги, намереваются купить землю. Едут через Сидней. Б. по профессии маляр, его спутники столяр и два слесаря».¹⁹

Изучение пассажирских списков позволило установить, что таинственный Б., отправившийся в Австралию, — это Иван Матвеевич Баракин, крестьянин, родившийся в Изюме Харьковской губернии в 1873 г. Он был призван в армию, служил в артиллерийской бригаде, участвовал в Русско-японской войне, а после войны остался на Дальнем Востоке, работая на КВЖД конторщиком.²⁰ Он прислал в журнал несколько сообщений о первых шагах эмиграции их группы. Они добрались до Шанхая, чтобы там сесть на пароход, идущий в Австралию. «В Шанхае мы узнали все подробности от австралийского коммерческого агента, — писал Баракин. — Сначала нам было очень трудно, пока не достали переводчика, благодаря которому и разузнали все обстоятельно. Нам говорили, что будто бы каждый приезжающей в Австралию должен внести 20 фунтов стерлингов, но это неверно: залог требуется только с китайцев и японцев, в некоторые же провинции их совсем не пускают. Для европейцев никаких ограничений нет. Нам предназначили землю

¹⁹ В Австралию... // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1909, № 19, с. 777–778.

²⁰ Баракин Иван Матвеевич, Государственный архив Хабаровского края, ф. Р-830, оп. 3, д. 2805, 2806.

в штате Куинслэнд, это лучшая фермерская провинция с ничтожным народонаселением. В скором времени там открываются прииска и проводят ж. д. По железной дороге мы будем иметь возможность проехать в Сидней и Викторину. Относительно раздачи земли, австралийское правительство дает одному семейному 150 акров земли для фермы, если имеется капитал и нужно земли больше, то можно купить».²¹

«Каюту нам отвели возле 1-го класса, — продолжал Баракин во второй корреспонденции — хотя для 6-ти человек и тесно, зато чисто, постели хорошие, стол великолепный, обращение вежливое, особенно предупредительно относятся к женщинам и детям. Нас едет 7 мужчин и 4 женщины».²²

История о том, как жена Бориса Кларка, Анна, оказалась на этом же корабле, в художественной форме рассказано в книге Николая Яценко «Журавли не знают покоя», и вполне возможно, что она не лишена основания:

«Анна часто ходила в порт. И не потому, что ее привлекали корабли со всех концов мира или лодки, красиво скользящие по бухте. Молодая женщина искала случая уехать в Австралию. На билет денег не было, Кларки пока не могли ей выделить ни одной иены.

О Борисе знали немного. Он в Брисбене, но более точного адреса сообщить не может: нет постоянной работы, нет и постоянного места жительства. А город большой, один человек в нем, что иголка в стоге сена, — попробуй найди. Павел Иванович уговаривал Анну не торопиться с отъездом, ждать лучших дней. Анна ждать не могла и упорно, изо дня в день, ходила в порт. Наконец ей улыбнулось счастье. Анна шла по набережной среди пестрой и разноязычной толпы, вдруг слух ее уловил русскую речь. Потянуло к землякам, как затерянную в морских волнах лодку на огонь маяка. Увидела группу мужчин, толкующих о чем-то на родном языке.

— Кто такие? — спросила она.

— Мы, железнодорожные рабочие, пробиваемся из Харбина в Австралию. А вы как сюда попали?

Анну окружили, засыпали вопросами. Рассказала о себе и о Борисе. Харбинцы переглянулись:

— Где много, там один — не лишний. Возьмем женщину с собой за наш счет?

Никто не возражал».²³

Баракин в своем письме в журнал об этом эпизоде, конечно, не сообщал, но рассказывал об интересе к русским эмигрантам у эмиграционного агента в Японии: «В Кобе нас встретил австралийский агент штата Валлис, [т.е. Нового Южного Уэльса. — Е.Г.] заявивший, что если бы мы ехали в его штат, то он нам сейчас бы мог выдать билеты по льготному тарифу, посоветовал нам по приезде в Брисбэн обратиться в эмиграционное бюро, где должны возратить нам часть денег, так как и в Квинслэнде для европейцев существуют льготы. „В случае — если вам никаких льгот не сделают, поезжайте в мой штат, я вам сделаю всё!“ На карте он нам показал, где хорошие места для фермы и довольно большое незаселенное пространство. Перед отходом парохода приезжал австралийский чиновник, расспросил каждого, заставил подписать свою фамилию, выразив крайнее удивление, что две женщины неграмотны, заявив, что как для мужчин, так и для женщин неграмотных есть некоторые ограничения. ... Фермерам сулят много, что выйдет — неизвестно».²⁴

Как мы видим, в борьбе за иммигрантов на Дальнем Востоке шла конкуренция между австралийскими восточными штатами, и если эмигранты были европейцами, то австралийское правительство готово было даже принять неграмотных работников. О роли иммиграционных агентств писал и Задороский. В 1919 году, после бунтов красного флага, когда у австралийцев возникли вопросы о том, почему в Квинслэнде оказалось так много русских, он писал: «В 1909 году, находясь в Японии по пути в Канаду и изучая английский язык, я случайно заполучил брошюры Бюро информации правительства Квинслэнда. Прочитав их, я пришел в восторг сам и увлек других, переводя самые блестящие отчеты о ресурсах и возможностях Квинслэнда и публикуя их в харбинских газетах. Как следствие, ряд эмигрантов, направлявшихся в Америку, отправились в Квинслэнд».²⁵

Очевидно, что материалы Бюро информации Квинслэнда и других штатов распространялись и по всей Сибири. Баракин писал: «В Гонконге к нам присоединились три молодых человека, тоже мастера-вые, с женами».²⁶ Судя по пассажирским спискам, это была группа евреев-переселенцев из Томска, о которой мы уже рассказывали в главе о русских эмигрантах в Виктории. Очевидно, что они также были распропагандированы иммиграционными агентами и поэтому,

²¹ [Баракин И. М.] В Австралию // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1909, № 21, с. 844. (в журн. ошибочно 448). — Подпись: Б-нь

²² [Баракин И. М.] В Австралию // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1909, № 26, с. 973. — Подпись: Б-нь.

²³ Яценко Н. Журавли не знают покоя: Повесть героических лет. — Иркутск, 1969. — С. 242–243.

²⁴ [Баракин И. М.] В Австралию // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1909, № 26, с. 973.

²⁵ Zadorosky M. Russians in Queensland. How did they get here? // Daily Mail, Brisbane, 12.04.1919, с. 7.

²⁶ [Баракин И. М.] В Австралию // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1909, № 26, с. 973–974.

прибыв в Мельбурн, куда у них были куплены билеты, сразу попытались получить обещанную землю.²⁷ Небольшая же группа Баракина покинула корабль в Брисбене, объявив иммиграционному агенту, что они хотят взять землю в Квинсленде.

«ПРОЩАЙ, НЕМЫТАЯ РОССИЯ!»

Через 10 дней после «Олденема», 19 сентября 1909 года, в Брисбен прибыл «Никко Мару» с большой группой эмигрантов, что позволяет считать именно эту дату началом массовой эмиграции в Квинсленд с Дальнего Востока. В числе их был уже упомянутый политэмигрант Иван Грей и его соратник Яков Грант (вероятно, Лифшиц), которые вскоре начнут играть активную роль в жизни русской общины Квинсленда. Яков, человек образованный и не без литературного таланта, — они с Греем значились в пассажирских списках студентами — с некоторым юмором описал своих спутников, к которым присоединился в Дальнем (Дайрене), по дороге в Японию: «В состав этой компании входили три семьи с 9-ю детьми и несколько человек мужчин, на время оставивших свои семьи в России. Трудно было понять, зачем эта компания покинула родные палестины и ехала в Австралию! Один, получивший с железной дороги солидное пособие за увечье, ехал заниматься сельским хозяйством, которого совершенно не знал, не понимал и не любил и лишь твердил все: „Слава Тебе, Господи, избавился от России, а там не пропадем! Какое-нибудь да найдем дело“. Другой член компании также стремился к земле, а остальные, понаслышавшись о „длинных“ австралийских рублях, ехали за ними. Лишь 1–2 могли отдать полный отчет куда, зачем и отчего они бегут, то были рабочие, принимавшие участие в забастовках 1905–6 гг. и несшие кары за это участие.

Вообще вся эта компания была крайне пестра, разношерстна, однако почти все сходились на одном — каждый считал своим долгом лягнуть покидаемую родину, послать ей свою ненависть и заговаривал о каких-то совершенно непонятных и чуждых ему идеалах. Особенно в этом отношении был комичен один соратник. Очутившись в „недосягаемых пределах“ и понаслышавшись о различных сильных, но далеких для него „Долой“, он считал своей обязанностью блеснуть „революционностью“, долго и часто кричал: „Долой бюрократию! Будь она проклята!“ — наконец не выдержал и, подойдя к политическому эмигранту (был среди нас и такой спутник), *volens nolens* покидавшему суровую для него родину, сказал: „И давно вы вступили на этот неправильный путь?“. Поднялся дружный

хохот, ибо только что перед этим был общий разговор на политическую тему, во время которого этот комик-соратник выражал свою солидарность с политическим эмигрантом и все твердил: „Ваш путь — единственно правильный!“.²⁸

Скорей всего политическим эмигрантом, покидавшим Россию, и был сам Яков Грант. В своем очерке он прекрасно уловил сложную ткань причин массового исхода из России в те годы. При небольшом проценте в этой эмиграции «настоящих» политэмигрантов, было бы неверно считать ее чисто экономической, «трудовой». Русская эмиграция — это особый феномен, где политика и экономика неразрывно переплетены. Здесь и глубинная массовая неприязнь к царскому режиму, и — шире, — нравам общества, очень напоминающая умонастроения постперестроечного исхода с его неприязнью к «совку». Здесь и вынужденная эмиграция рабочих, замешанных в революционное брожение — рабочих, не имеющих ясной партийной принадлежности, из которых уже в Австралии политэмигранты будут ковать «сознательный пролетариат». Но немало было и прагматиков, отправляющихся в Австралию за баснословными заработками — им импонировала именно эта сторона мифа о «Счастливой Австралии», представленная в книгах Мижужева. И, наконец, была мечта о свободной земле — о земле, которую дают «задаром», об австралийском Беловодье.

Проводником их на эту землю обетованную и должен был стать тот таинственный «компаньон, уже бывший в Австралии, знающий хорошо английский язык», о котором упоминалось в статье «Железнодорожной жизни». И здесь пришла пора познакомиться с еще одним забытым героем ранней русской общины в Австралии, Лазарем Георгиевичем Калининым. Согласно натурализации, он родился в 1877 г. в Барнауле. Перед отъездом в Австралию он зашел в «Железнодорожную жизнь...», и его приключения так заинтересовали редакцию, что они напечатали о них подробный рассказ, скрывая, впрочем, его подлинное имя под инициалами: «Окончив Владивостокские мореходные классы, Л. Г. на парусном судне попал в Америку, затем проехал в Англию и поступил матросом на английские пароходы, перевозящие войска (дело было во время войны с бурами). Когда прибыли на место, то два шведа, норвежец и Л. Г., сочувствуя бурам, хотели бежать с парохода, но капитан предупредил о строгом наказании для беглецов, заявил, что все равно будут пойманы. Шведы и норвежец при содействии товарищей все-таки бежали, но были пойманы. Л. Г. простудился и заболел довольно сильно, его привезли в Англию уже как пассажира и поместили в международный морской госпиталь.

²⁷ Говор Е. Россияне в Виктории — у истоков // Австралийская мозаика, 2020, № 48, с. 18–20.

²⁸ [Грант Я.] В Австралию // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1910, № 8, с. 9–10.

Эмили Харрис в Западной Австралии, 1901 г

Лазарь Калинин (второй слева) рядом с отцом

Госпиталь находится в Лондоне, помещается в большом дворце императрицы Елизаветы. Рассказы Л. Г. о пребывании в госпитале, лечении, полны захватывающего интереса, просто не верится, чтобы при бесплатном лечении, был такой сердечный уход, человеческое обращение и безукоризненный стол. Выздоровливающих переводят на крышу, где им предоставляются все удобства, внимательность при лечении, заботливость медицинского персонала, желание непременно вылечить, советы на дальнейшее; все это изумляло Л. Г., знакомого с отечественными порядками. Только ввиду настоятельных просьб Л. Г., доктора согласились выписать его через четыре месяца, дав совет ехать в Австралию. По прибытии в Западную Австралию, Л. Г. поступил на прииска, работая кайлом, вскоре был назначен надсмотрщиком. Разница в содержании была незначительна. В 1904 г. Л. Г. поступил на службу К. В. ж. д. в отдел отчуждения, затем перешел в коммерческую часть».²⁹

Однако, прежде чем приехать в Харбин, у Лазаря был головокружительный роман с англичанкой Эмили Харрис, которую он встретил на корабле, идущем в Австралию. Вопреки всем препятствиям — по семейным преданиям Эмили была убежденной протестанткой, а Лазарь евреем — они заключили гражданскую церемонию брака в Лондоне, и в Харбин приехали уже с новорожденным сыном. Их внука, Ллойда Калинина, я нашла в Индонезии. Именно оттуда мне в Австралию прилетели фотографии из их семейного архива — летняя, с Эмили в Западной Австралии и зимняя, с семьей Калининых в шубах в России.

Внук убежден, что семья Лазаря была состоятельной и в Харбине они жили вполне благополучно.³⁰ Так что же заставило его покинуть хорошую должность и отправиться в Австралию? Случай Калинина отражает умонастроения широкого слоя русского общества того времени. В некрологе, посвященном ему, Павел Грей (Кларк) писал: «До переселения в Австралию почивший и его уважаемая супруга, по рождению англичанка, жили в г. Харбине, и оба занимали довольно видные служебные места на Китайско-Восточной ж. д. Эмигрировал покойный просто потому, что его свободолюбивой натуре было просто невозможно оставаться далее в стране вечных усиленных охран и повседневного насилия агентов нашего правительства». Это была именно та неудовлетворенность политическим режимом, которая толкала к исходу из страны многих «благополучных» эмигрантов. Характерно также, что Калинин, как писал Грей, «Ни к какой политической партии не принадлежал, но искренно сочувствовал освободительному движению трудящихся масс».³¹

³⁰ Kalinin Lloyd, e-mails, 6.10.2022.

³¹ Грей П. Лазарь Георгиевич Калинин // Известия Союза русских эмигрантов, 1915, № 104, 16 дек., с. 1.

²⁹ В Австралию... // Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке, 1909, № 19, с. 778.